

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ПРИВЛЕЧЕНИЕ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Иван Турлай

Одной из тенденций развития современной мировой экономики являются активно протекающие в ней интеграционные процессы, участие в которых продиктовано желанием стран получить определенные экономические выгоды от интеграции, создать благоприятные условия для развития их промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг. Свою важную роль в данном деле должны сыграть прямые иностранные инвестиции (ПИИ), рост объемов которых в результате создания интеграционной группировки и ожидают ее члены.

Пожалуй, наиболее интересным с точки зрения влияния интеграции на ПИИ является опыт Европейского союза (до 1993 г. — Европейского экономического сообщества) — одной из старейших и наиболее развитых группировок мира, прошедшей все основные этапы интеграционного процесса и поэтому служащей для многих интеграционных образований своего рода моделью. Стоит отметить, что тематика инвестиционного воздействия европейской интеграции привлекла внимание многих ученых. В частности, к числу самых известных по данному вопросу можно отнести исследования, проведенные П. Брентоном [4], Дж. Даннингом [6], П. Эггером [8], Г. Яннопoulosом [21], а также разработки ЮНКТАД [18]. В настоящей статье мы постараемся рассмотреть результаты всех основных исследований в данной области, обобщив и систематизировав их, что в конечном счете позволит нам сделать вывод об инвестиционном эффекте интеграции в Европе.

Итак, образование в 1958 г. Европейского экономического сообщества (ЕЭС), в рамках которого были сформированы зона свободной торговли и таможенный союз (с 1968 г.), совпало с увеличением притока ПИИ из США в промышленный сектор стран — участниц интеграции. Так, накопленный объем прямых инвестиций США в страны в ЕЭС возрос более чем в 3 раза в течение 1957—1964 гг., значительно превысив темпы роста накопленного объема всех зарубежных капиталовложений этой страны. В период 1955—1972 гг. доля шести членов ЕЭС в суммарном объеме прямых зарубежных инвестиций США увеличилась с 6 до 17 % [18, р. 93].

Такой приток, по мнению исследователей, был обусловлен преимущественно динамическими эффектами интеграции, связанными с созданием и быстрым ростом объединенного, расширенного рынка интегрирующихся государств, и — в меньшей степени — статическими эффектами по преодолению негативных последствий отклонения торговли (см. исследования, Департамента ООН по экономическому и социальному развитию [9], ЮНКТАД [18], Г. Яннопoulosа [21]).

Помимо роста объемов внерегиональных ПИИ (преимущественно из США) первые два этапа европейской интеграции сопровождались и увеличением притока (хотя и в меньших объемах) взаимных прямых инвестиций стран — членов ЕЭС. В итоге к началу 1980-х гг. примерно 1/3 всех ПИИ государств ЕЭС приходилась на страны-партнеры по данному интеграционному образованию [6, р. 2—3].

Дальнейшее свое развитие процесс европейской интеграции получил в связи с запуском в середине 1980-х гг. программы внутреннего рынка (ПВР), нацеленной на устранение оставшихся между странами ограничений (нетарифного характера) во взаимной торговле товарами и услугами, а также ликвидацию барьеров на пути движения капитала и рабочей силы. Следует отметить, что период имплементации этой программы (продолжавшийся до конца 1992 г., когда процесс создания единого внутреннего рынка был завершен) ознаменовался увеличением объемов ПИИ, привлекаемых странами ЕЭС. Так, если в 1982—1987 гг. на долю государств — членов ЕЭС приходилось 28,2 % мирового притока ПИИ и 36,1 % притока ПИИ развитых стран, то в 1988—1990 гг. эти показатели составляли уже 42,3 и 50 %, а в 1991—1993 гг. — 44,4 и 66,3 % соответственно [7, р. 88].

Вопрос влияния ПВР на привлечение ПИИ государствами — членами ЕЭС был затронут в целом ряде эмпирических исследований. Среди них можно упомянуть исследования, проведенные П. Брентоном [4], Н. Кёрдасье [5], Дж. Даннингом [6], Х. Секкатом [16], а также Еврокомиссией [7], Департаментом ООН по экономическому и социальному развитию [9] и ЮНКТАД [18]. Результаты этих работ в целом показали,

Автор:

Турлай Иван Сергеевич — аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Данильченко Алексей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Якушенко Ксения Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики факультета международных экономических отношений Белорусского государственного экономического университета

что углубление интеграции государств — членов ЕЭС в связи с переходом их к созданию единого внутреннего рынка оказало положительное воздействие на привлечение как внерегиональных ПИИ, так и прямых инвестиций одних стран — участниц данного объединения в экономику других.

С другой стороны, в исследовании, проведенном П. Эггером [8], не было обнаружено влияния ПВР на приток взаимных ПИИ государств — участников европейской интеграции после 1992 г. Это, по мнению автора, может свидетельствовать о том, что инвестиционный эффект данной программы наблюдался лишь на начальном этапе ее реализации, т. е. до того, как процесс создания единого внутреннего рынка был завершен. К слову, в большинстве из указанных исследований, посвященных вопросу инвестиционного воздействия ПВР, вывод о том, какую роль создание внутреннего общеевропейского рынка сыграло в деле привлечения странами — участницами интеграции ПИИ, делался именно на основании изучения инвестиционной динамики и ее факторов в период имплементации этой программы.

Анализируя далее влияние ПВР на привлечение ПИИ странами — членами ЕЭС, следует выделить ряд особенностей. Во-первых, необходимо упомянуть значимость ликвидации нетарифных барьеров в торговле стран ЕЭС как фактора, способствующего устранению фрагментации европейского рынка и, как результат, повышающего эффективность организации производственной деятельности в регионе, благодаря возможности использования фирмами преимуществ эффекта масштаба и совмещения, что и делает единый внутренний рынок привлекательным для иностранного капитала [9, р. 24]. Это, а также желание фирм усилить свои конкурентные преимущества путем покупки активов на образовавшемся обширном общеевропейском рынке выразилось в значительном увеличении объема внутри- и внерегиональных трансграничных слияний и приобретений европейских компаний (с 11,5 млрд дол. США в 1985 г. до 139 млрд дол. США в 1989—1990 гг.) [6, р. 28].

Во-вторых, несмотря на то, что увеличение объемов привлекаемых странами ЕЭС ПИИ сопровождалось ростом в их структуре доли инвестиций, направляемых в сферу услуг (с 55 % в общей величине привлеченных в 1984—1986 гг. взаимных ПИИ до 64 % в 1990—1992 гг., соответственно, и с 55 % в общей величине привлеченных в 1984—1986 гг. внерегиональных ПИИ до 62 % в 1990—1992 гг., соответственно), в частности, в такие отрасли, как финансовые, страховые, торговые, туристические, транспортные и телекоммуникационные услуги [6, р. 21], как показали исследования Н. Кёрдасье [5] и Х. Секката [16], формирование общего рынка стран ЕЭС все же не имело значимого эффекта для ПИИ (включая связанные со слияниями и приобретениями европейских компаний), поступавших в третичный сектор их экономик. Это может

быть объяснено тем, что даже с принятием ПВР между странами ЕЭС сохранились экономические барьеры в сфере услуг, явившись существенным препятствием на пути движения прямых инвестиционных потоков. Так, только в декабре 2006 г. Европейским парламентом и Советом была принята Директива об услугах на внутреннем рынке, устанавливающая общие правовые основы функционирования единого рынка услуг стран ЕС с целью устранения оставшихся барьеров между ними в этой сфере.

В-третьих, процесс создания единого внутреннего рынка стран — участниц европейской интеграции сопровождался существенным ростом их взаимных ПИИ — более значимым, нежели прямых инвестиций из третьих стран. В результате доля внутрирегиональных прямых инвестиций в общей величине привлеченных государствами ЕЭС ПИИ составила более 60 % в 1991—1993 гг. против 41 % в 1984 г. [7, р. 88]. Вместе с тем, как показало исследование Дж. Даннинга [6], в котором учитывалась степень влияния ПВР на приток ПИИ в ту или иную отрасль экономики стран ЕЭС в зависимости от существовавших до начала создания внутреннего общеевропейского рынка торговых и инвестиционных внутрирегиональных барьеров, существенных для этих отраслей (прежде всего, высокотехнологичных), большее значение отмена таких барьеров имела как раз для привлечения ПИИ из третьих стран, чем инвестиций из государств — участников рассматриваемой интеграционной группировки.

В-четвертых, после запуска ПВР среди инвестиций третьих стран в экономику государств ЕЭС наметилось увеличение притока японских ПИИ. В итоге к концу 1993 г. их накопленный объем в странах Западной Европы (т. е. преимущественно в странах ЕЭС) достиг 84 млрд дол. США, из которых 70 млрд дол. США, или 83 % от общей суммы, были инвестированы в период 1987—1993 гг. [18, р. 95]. Как показало исследование Р. Баррелла [2], на динамику японских ПИИ в государства ЕЭС помимо удорожания японской иены значительно повлияли протекционистские меры сообщества и, в частности, антидемпинговые расследования в отношении производителей этой страны. Приток же прямых инвестиций из США в страны ЕЭС не был столь динамичным, как японских ПИИ, хотя доля таких ПИИ в общем объеме всех американских прямых зарубежных инвестиций возросла с 35 % в 1985 г. до 41 % в 1991 г. Поскольку к моменту создания единого общеевропейского рынка ТНК США уже были достаточно хорошо представлены в странах ЕЭС (85 % продаж американских фирм на европейском направлении приходилось на продукцию их филиалов в государствах ЕЭС), то запуск ПВР в большей степени повлиял на реорганизацию их производственной деятельности в государствах региона, чем на привлечение импортозамещающих ПИИ [18, р. 96—97].

Начало новому этапу европейской интеграции положило подписание государствами — членами ЕЭС в 1992 г. Маастрихтского договора, который вступил в силу в конце 1993 г., дав обществу новое название — Европейский союз (ЕС). Маастрихтский договор и протоколы к нему стали правовой основой строительства экономического и валютного союза, т. е. перехода участвующих в нем стран к общей экономической и денежно-кредитной политике, а также к единой валюте евро. В соответствии с установленными сроками в странах — членах еврозоны с января 1999 г. евро было введено в безналичный оборот, с января 2002 г. началось его наличное обращение, а с июля того же года эта валюта стала единственным законным средством платежа 12 государств ЕС, полностью вытеснив их национальные денежные знаки.

Как и в случае с ПВР, введение странами ЕС единой валюты имело воздействие на динамику привлекаемых ими ПИИ. Результаты посвященных данному вопросу исследований Н. Кёрдасье [5], П. Петроулса [15], К. Тейлора [17] показали, что инвестиционные последствия нового этапа европейской интеграции, связанного с появлением в обращении валюты евро, в целом являются схожими с последствиями формирования общеевропейского внутреннего рынка: первые годы использования евро ознаменовались увеличением притока в экономику стран еврозоны ПИИ, как взаимных, так и поступивших из третьих государств (при этом, несмотря на большие темпы прироста ПИИ из иных стран, нежели из стран единого валютного пространства, более значимое воздействие монетарная интеграция оказала как раз на привлечение последних), эффект от единой валюты для которых наблюдался в промышленном секторе экономики, в отличие от сферы услуг.

Так, по расчетам К. Тейлора [см.: 17], в течение 1999—2003 гг. взаимные ПИИ стран еврозоны выросли на 277 % по сравнению с периодом 1994—1998 гг., ПИИ же из третьих стран за этот период функционирования евро увеличились на 400 %, чему в большей степени поспособствовали инвестиции из Великобритании, США и Японии, темп прироста которых составил 523 % (если же не учитывать данные по ПИИ из этой тройки стран, а также по носящим оффшорный характер прямым инвестициям в экономику Люксембурга, то ПИИ, поступившие в страны еврозоны из других стран еврозоны возросли на 82 %, из иных государств — на 225 % соответственно). При этом фактор введения единой валюты, согласно подсчетам П. Петроулса [15], привел к ежегодному увеличению ПИИ в государствах зоны евро на 16 % из стран — членов еврозоны и на 8 % из других государств. По данным же Н. Кёрдасье [5], использование общей валюты способствовало увеличению объемов ежегодных слияний и приобретений европейских компаний другими компаниями стран еврозоны в промышленном секторе на 201 %,

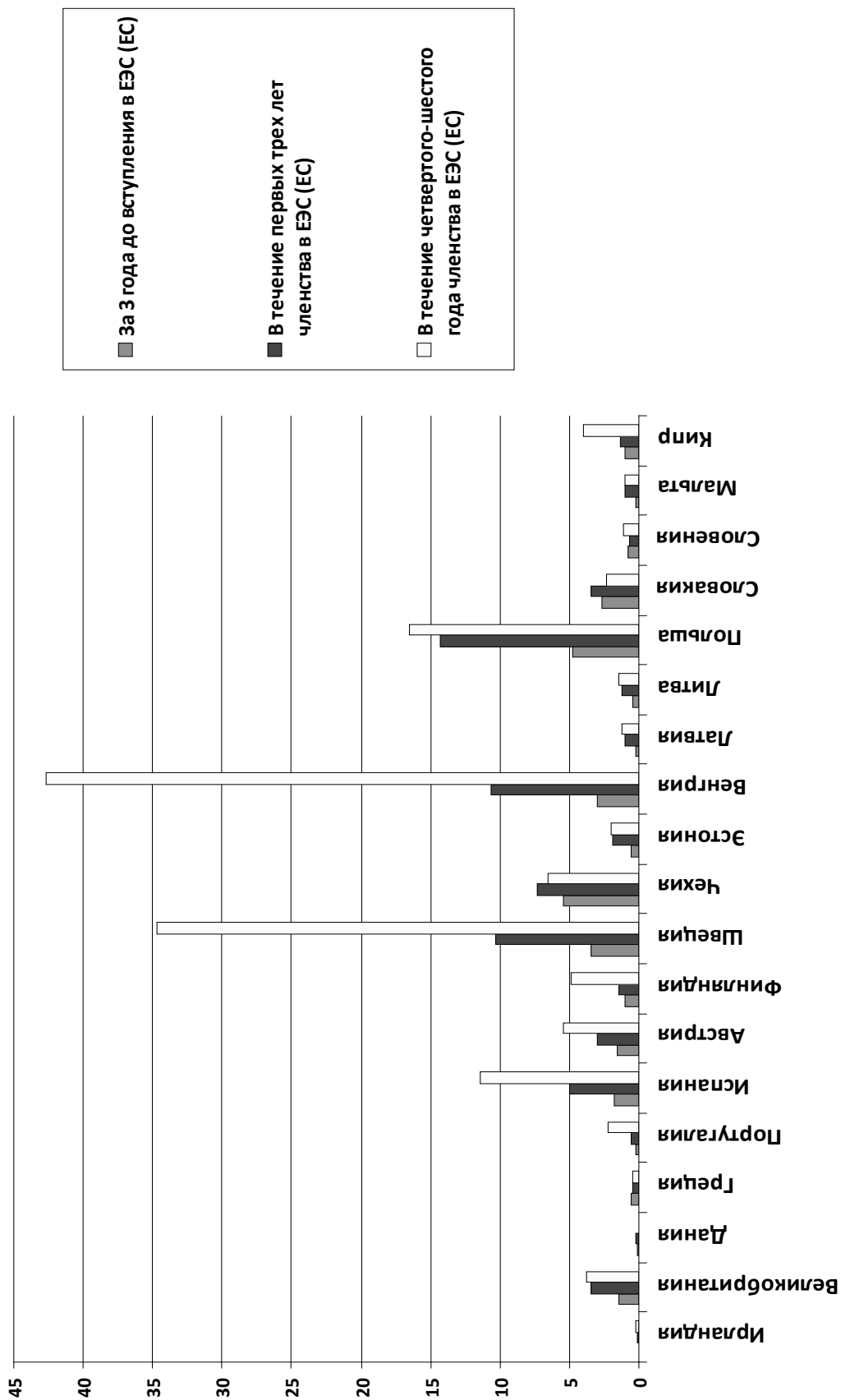
компаниями иных государств — на 101 % соответственно (в сфере услуг инвестиционный эффект от введения евро был нулевым).

Развитие европейской интеграции проходило не только по пути углубления хозяйственного взаимодействия стран-членов, но и в связи с увеличением числа участвующих в интеграционных процессах государств. Так, всего можно выделить шесть этапов расширения европейского интегрированного пространства: в 1973 г. к сообществу (которое составляли его страны-учредители — Бельгия, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция) присоединились Великобритания, Дания и Ирландия, в 1981 г. — Греция, в 1986 г. — Испания и Португалия, в 1995 г. членами ЕС стали Австрия, Финляндия и Швеция, в 2004 г. — Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония, а в 2007 г. — Болгария и Румыния.

Исследование, проведенное ЮНКТАД [18], показало, что в большинстве случаев присоединение стран к ЕС (ЕЭС), судя по росту объемов привлеченных ими из-за рубежа прямых инвестиций (см. рисунок), а также увеличению доли поступивших в экономику этих стран ПИИ от общего объема притока таких инвестиций в рассматриваемую интеграционную группировку, во все развитые государства, а также от величины ВВП интегрирующихся государств, оказало положительное воздействие на привлечение ими ПИИ.

В этой связи особо показательным является пример Ирландии, ежегодные объемы поступивших ПИИ в экономику которой возросли более чем в 9 раз (с 29 до 275 млн дол. США) в течение шести—восьми лет после ее вхождения в данную группировку по сравнению с объемами инвестиций, которые были привлечены в среднем за один год из трех предшествующих тому, в котором эта страна стала членом ЕЭС; доля же притока ПИИ в Ирландию от общего объема притока ПИИ в ЕЭС увеличилась за рассматриваемый промежуток времени почти в 5 раз (с 0,5 % до 2,4 %) [18, р. 102]. Следует отметить, что в период создания единого внутреннего европейского рынка — 1990—1993 гг. — эта доля Ирландии составляла уже 6 %. К слову, среди всех стран ЕЭС в период реализации ПВР наилучшую динамику привлечения ПИИ в свою экономику показала именно Ирландия [7, р. 90].

Не вызывает сомнения то, что основной причиной такого инвестиционного успеха явилось получение инвесторами доступа к общеевропейскому рынку, что стало возможным в результате устранения тарифов на импорт ирландских товаров, средневзвешенная номинальная ставка которых прежде составляла 9 %. Выбор же именно Ирландии в качестве площадки для проникновения на рынок ЕЭС (и соответственно осуществления экспортоплатформенных ПИИ) был обусловлен рядом сравнительных инвестиционных преимуществ данной страны, в числе ко-

Среднегодовые объемы притока ПИИ в страны ЕЭС (ЕС) до и после их вступления в группировку, млрд дол. США

Источник: [18, р. 102–104; 19].

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

торых — существование нулевой ставки корпоративного налога, высокая производительность рабочей силы, хорошее социальное партнерство государства и бизнеса (и, как результат, отсутствие сколь-либо значимых рабочих волнений и забастовок), оказание инвестиционного содействия высококласными агентствами продвижения инвестиций. Немаловажную роль сыграли и структурные фонды ЕЭС, средства которых способствовали совершенствованию ирландской инфраструктуры [3, р. 7–9].

Положительная инвестиционная динамика наблюдалась после присоединения к ЕЭС и в Великобритании: объемы привлеченных в экономику этой страны ПИИ возросли с 408 млн фунтов в среднем за год в течение 1970–1972 гг. до 734 млн фунтов ежегодно за период 1973–1975 гг. и 1139 млн фунтов в год в течение 1976–1978 гг. [21, р. 245–246]. Что же касается относительных инвестиционных показателей, то соотношение объемов привлеченных в экономику Великобритании ПИИ и уровней ее ВВП менялось в рассматриваемые промежутки времени незначительно (около 1,4 %); доля же притока ПИИ в страну от общего объема поступивших в ЕЭС ПИИ увеличилась более чем на 10 %: с 25,6 % в 1970–1972 гг. до 35,7 % в 1976–1978 гг. [18, р. 102].

При этом, однако, имело место некоторое уменьшение доли инвестиций США в общей величине привлеченных Великобританией ПИИ — с 66 % в 1970–1972 гг. до 53 и 60 % в течение 1973–1975 гг. и 1976–1978 гг. соответственно [21, р. 245–246]. Такую ситуацию можно объяснить тем, что к моменту присоединения к ЕЭС Великобритании основные американские ТНК уже были хорошо представлены в этой стране, так как в свое время участие Великобритании в ЕАСТ стало стимулом для привлечения в ее экономику прямых инвестиций многих компаний из США [18, р. 93, 108].

Необходимо также иметь в виду, что хотя и после вхождения Великобритании в ЕЭС объемы поступающих в ее экономику ПИИ увеличивались, все же большее влияние участие этой страны в ЕЭС оказало не столько на динамику привлеченных ею инвестиций, сколько на рост прямых инвестиций самой Великобритании в экономику государств — партнеров по ЕЭС. В частности, доля ЕЭС в структуре всех прямых инвестиций Великобритании за рубеж возросла с 19 % в 1968–1970 гг. до 36 % в 1971–1973 гг., т. е. уже в преддверие вступления в эту интеграционную группировку более трети прямых зарубежных инвестиций Великобритании стало приходиться именно на страны — члены ЕЭС [21, р. 245].

Увеличение притока ПИИ после присоединения к ЕЭС наблюдалось также в Испании и Португалии. При этом объемы привлеченных в экономику этих государств прямых инвестиций из-за рубежа стремительно росли как в абсолютном выражении, так и в процентном отноше-

нии к объемам их ВВП (с 1787 млн дол. США в 1983–1985 гг. до 11 635 млн дол. США в 1989–1991 гг. (1,1 и 2,4 % к ВВП соответственно) — для Испании; с 205 млн дол. США в 1983–1985 гг. до 2265 млн дол. США в 1989–1991 гг. (0,9 и 3,3 % к ВВП соответственно) — для Португалии) [18, р. 102]. Однако, как показали расчеты Р. Болдуина [1] и А. Галего [10], к середине 1990-х гг. значения указанных относительных показателей для Испании и Португалии оказались на уровнях, близких к тем, которые существовали до вступления стран в ЕЭС, что, по мнению последнего из данных исследователей, могло быть связано с замедлением в этих государствах процессов приватизации, активно стартовавших в предыдущем десятилетии.

И все же, согласно исследованию А. Лопеса [13], членство Испании и Португалии в ЕС (ЕЭС) в течение 1986–2002 гг. оказывало положительное воздействие на приток ПИИ в эти страны, что, правда, было характерно для вне-региональных ПИИ. При этом анализ привлечения ПИИ в экономику Испании и Португалии в сопоставлении с инвестиционной динамикой, наблюдавшейся в других странах, позволил в ряде исследований, проведенных П. Брентоном [4] и Департаментом ООН по экономическому и социальному развитию [9], сделать вывод об отсутствии значимого отклонения ПИИ как из развитых стран, в частности — государств ЕАСТ, так и стран третьего мира в пользу данных двух членов сообщества после их присоединения к группировке. С другой стороны, несмотря на снижение в 1990-х гг. объемов привлекаемых Испанией и Португалией ПИИ по отношению к уровню их ВВП, отклонения прямых инвестиций уже из этих стран в пользу претендующих на вступление в ЕС государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) также не наблюдалось: как показали исследования П. Брентона [4] и А. Галего [10], объемы поступивших в экономику этих стран в указанные годы ПИИ в большинстве случаев превышали те, которые Испания и Португалия могли бы получить, исходя из построенных в данных работах эконометрических моделей.

Что же касается присоединившихся в середине 1990-х гг. к ЕС Австрии, Финляндии и Швеции, то инвестиционный эффект интеграции для данных стран стал проявляться еще до того, как они стали членами этой группировки. В частности, как показало исследование П. Эггера [8], в 1993–1995 гг. за счет указанного эффекта объемы ПИИ между Австрией, Финляндией и Швецией и 12 членами ЕС росли на 26 % быстрее, чем внутри самого ЕС, по сравнению с инвестиционной динамикой, наблюдавшейся в 1986–1992 гг.; с другой стороны, роста в 1995–1998 гг. по сравнению с 1993–1994 гг. уже не наблюдалось, т. е. аналогичный эффект был нулевым. Впрочем, в течение периода 1992–1999 гг. имело место значительное увеличение доли привлеченных данными государствами ПИИ по отношению к их

суммарному ВВП: если в 1992 г. эта величина была на уровне около 0,3 %, то спустя два года она возросла до почти 2 %, в 1998 г. превысила 6 %, а еще через год составила более 12 % [10, р. 5]. Предполагается, что определенную роль в деле повышения объемов привлекаемых этими странами ПИИ сыграла имевшая место во второй половине 1990-х гг. общемировая тенденция активизации процессов трансграничных слияний и приобретений [18, р. 98].

В отличие от рассмотренных выше случаев в двух странах — Дании и Греции — после присоединения к ЕЭС отмечалась отрицательная динамика поступления ПИИ. И если случай Дании не получил должного изучения, то суть проблемы притока иностранных инвестиций в Грецию была очевидна — политическая и макроэкономическая нестабильность в стране стали основными причинами того, что вхождение Греции в ЕЭС не изменило в положительную сторону динамику привлечения ею ПИИ. Так, негативное воздействие на инвестиционную привлекательность Греции оказывала инфляция, уровень которой в 1981 г. достигал 25 % и, в отличие от большинства экономик Европы, изменился за 11 лет членства страны в ЕЭС незначительно, составив в 1991 г. 20 %. Свою роль сыграла и отмена барьеров в торговле со странами — партнерами по группировке, способствовавшая оттоку из экономики Греции импортозамещающих ПИИ. В результате, как показали расчеты Р. Болдуина [1] и А. Галего [10], после вступления Греции в ЕЭС объемы привлекаемых ею ПИИ в процентном отношении к ВВП оставались на уровне, почти не отличавшемся (или отличавшемся в меньшую сторону) от того, который существовал до интеграции страны в данную группировку (около 1 %) [1, р. 7-7-7-15; 18, р. 99].

Что же касается влияния евроинтеграции на приток инвестиций в страны ЦВЕ, то этот вопрос привлек, пожалуй, самое пристальное внимание в научной литературе, ведь вступление в ЕС десяти постсоциалистических государств, осуществлявших глубокие структурные реформы в связи с переходом к рынку, должно было способствовать привлечению значительных объемов ПИИ в их экономику. Положительный инвестиционный эффект от членства в Евросоюзе для стран ЦВЕ становился возможным, прежде всего, благодаря увеличению их сравнительно небольших рынков фактически в размерах до общеевропейского, а также политической, экономической и правовой стабильности, наличие которой подразумевалось в связи со вступлением данных стран в ЕС [14, р. 76—78]. Тем не менее, как отмечает Р. Нарула [14], в условиях политической и экономической либерализации в мире как составной части процесса глобализации эти преимущества членства в ЕС для стран ЦВЕ, наряду с таким их преимуществом, как стоимость рабочей силы (которая, по некоторым оценкам, к 2020 г. останется в среднем на 60 % ниже, чем в старых членах ЕС [20, р. 86]), явля-

ются все же менее актуальными, чем для государств, присоединившихся к группировке ранее. В этой связи для новых членов ЕС, столкнувшихся с конкуренцией за привлечение ПИИ со стороны остальных стран ЕС, Китая, других азиатских государств, остался важным вопрос наличия у них специфических конкурентных преимуществ, учитываемых потенциальными инвесторами.

Следует отметить, что большинство барьеров в торговле и на пути движения инвестиций между Евросоюзом и десятью странами ЦВЕ были устранены еще в 1990-х гг. после заключения ими соглашений об ассоциации (так называемых Европейских соглашений). В частности, уже к 1997 г. большинство производителей промышленной продукции стран ЦВЕ получило бестарифный доступ на европейский рынок [12, р. 28]. Поэтому можно полагать, что влияние интеграции на привлечение ПИИ в экономику стран ЦВЕ проявилось еще в годы, предшествующие их вступлению в ЕС. Так, согласно данным ЮНКТАД [19], в течение 1995—2003 гг. объем накопленных ПИИ в государствах данного региона вырос более чем в 5,7 раза (с 32 до более чем 183 млрд дол. США), что вдвое превысило темпы роста мирового объема ПИИ.

Не случайно инвестиционная привлекательность стран ЦВЕ в условиях их ожидаемого присоединения к ЕС стала темой, получившей освещение в различных научных исследованиях. Среди таких исследований можно упомянуть работы П. Брентона [4], П. Эггера [8], И. Ивасаки [11], результаты которых свидетельствуют об инвестиционной значимости ключевых этапов переговорного процесса на пути вступления этих стран в ЕС, таких как заключение со странами ЦВЕ Соглашений об ассоциации (1991—1996 гг.), подача ими официальных заявок на вступление в Евросоюз (1994—1996 гг.), решения саммитов в Люксембурге 1997 г. и Лондоне 1998 г., предусматривавших поэтапное расширение ЕС на Восток (согласно которому Польша, Венгрия, Чехия, Словакия и Эстония образовывали первую «волну» расширения Евросоюза, а Болгария, Латвия, Литва, Румыния и Словакия — вторую), начало (1998—2000 гг.) и завершение (2002—2004 гг.) переговоров о вступлении десяти стран ЦВЕ в ЕС. При этом, как следует из указанных исследований, чем дальше продвигался процесс сближения стран ЦВЕ с ЕС (что зависело от того, на какой из стадий переговоров по интеграции с ЕС находились страны-кандидаты и, в частности, к какой «волне» расширения Евросоюза они были отнесены), тем большее воздействие на привлечение ПИИ в их экономику оказывала перспектива членства в данной группировке.

В этой связи можно упомянуть исследование П. Эггера [8], согласно которому в 1995—1998 гг. за счет эффекта ожидания членства в ЕС объемы ПИИ между 15 членами Евросоюза и 7 государствами ЦВЕ (страны Прибалтики в рабо-

те не рассматривались) росли на 38 % быстрее, чем между 15 членами ЕС и остальным миром, и на 31 % быстрее, чем внутри самого ЕС, по сравнению с инвестиционной динамикой, наблюдавшейся в 1993—1994 гг. В ходе же аналогичного сопоставления данных за периоды 1986—1992 гг. и 1993—1995 гг. эффекта интеграции выявлено не было, т. е. ожидание членства в ЕС еще не оказывало какого-либо воздействия на привлечение странами ЦВЕ ПИИ. С другой стороны, согласно исследованию И. Ивасаки [11], заключение в начале 1990-х гг. Соглашений об ассоциации с рассматриваемыми в работе 9 странами ЦВЕ (исключая Словению), все же оказывало положительное влияние на приток в их экономику ПИИ из 7 развитых государств мира (Австрии, Великобритании, Германии, Нидерландов, США, Франции, Японии), хотя само влияние было менее значимым, чем то, которое имело место после подачи странами ЦВЕ официальных заявок на вступление в Евросоюз и особенно после начала соответствующих переговоров. Однако по окончании переговорного процесса по вступлению в ЕС, гарантировавшего государствам ЦВЕ членство в этой группировке, инвестиционная привлекательность рассматриваемых стран несколько снизилась, что, скорее всего, стало следствием отмены ими под давлением Еврокомиссии ряда льгот для иностранных инвесторов (таких как, например, освобождения от корпоративного налога или возможности вести экономическую деятельность в зонах свободной торговли) [11, р. 44].

Таким образом, развивавшиеся с начала 1990-х гг. интеграционные процессы между государствами ЕС и странами ЦВЕ можно достоверно считать одной из причин увеличения притока ПИИ в экономику последних. Заключенные в этот период соглашения были нацелены на устранение многих взаимных экономических барьеров между рассматриваемыми государствами, а также предусматривали повышение конкурентоспособности стран ЦВЕ в условиях усиления конкуренции в интегрированном регионе: в частности, до 1998 г. ориентированные на рынок стран ЕС экспортеры из государств ЦВЕ в случае использования ими для выпуска своей продукции промежуточного импорта третьих стран имели возможность получить возврат уплаченных за этот импорт налогов (что, в свою очередь, стимулировало приток ПИИ в страны ЦВЕ) [12, р. 28—29]. Воздействие на привлечение ПИИ в экономику государств ЦВЕ оказывали и проводимые ими программы приватизации госсобственности. И хотя обусловленные приватизацией ПИИ не обязательно были связаны с предстоящим вступлением рассматриваемых стран в ЕС (поскольку правила Евросоюза не требуют от стран-членов осуществлять приватизацию государственных монополий и объектов инфраструктуры, а предполагают лишь создание конкурентной среды в соответствующих отраслях экономики), заключение с инвесторами крупных

сделок по продаже госсобственности приводило к существенному росту показателей привлеченных той или иной страной ЦВЕ ПИИ и, как результат, к значительным колебаниям инвестиционной динамики в случае окончания приватизации или снижения ее темпов (что, например, имело место в 2000 г. в Польше после продажи иностранным инвесторам телекоммуникационной компании, приведшей к увеличению объема привлеченных этой страной ПИИ до рекордной отметки в 9 млрд дол. США — на 4,2 млрд дол. США выше среднегодового уровня притока ПИИ в ее экономику за в последующие три года) [18, р. 100—101, 104, 108].

Тенденция увеличения объемов привлекаемых странами ЦВЕ ПИИ в условиях развития интеграции с ЕС сохранилась и после их вступления в данную группировку. Так, среднегодовые объемы притока ПИИ в экономику государств ЦВЕ, ставших членами ЕС в 2004 г., в течение каждого из двух предшествующих трехлетних периодов составляли около 18 млрд дол. США, а после вступления стран в данную группировку увеличились вдвое, достигнув в 2004—2006 гг. уровня почти в 36 млрд дол. США [18, р. 101—104]. В качестве подтверждения инвестиционной значимости интеграционных процессов можно также привести достаточно высокие показатели поступления ПИИ в экономику государств ЦВЕ в процентном отношении к объемам их ВВП: в частности, в Словакии эти показатели составляли в 2001—2003 гг. — 10,3 %, в 2004—2006 гг. — 6,4 %; в Чехии — 7,6 и 6,1 %; в Латвии — 2,3 и 5,8 %; в Эстонии — 7,4 и 13,2 % соответственно. О положительном воздействии евроинтеграции на привлечение странами ЦВЕ ПИИ может свидетельствовать и увеличение доли притока таких инвестиций в их экономику от общего объема ПИИ, привлеченных развитыми странами (см. исследование ЮНКТАД [18]).

К основным причинам роста инвестиционной привлекательности государств ЦВЕ после их присоединения к Евросоюзу следует отнести следующие. Во-первых, вступление в ЕС подразумевало устранение между его членами и присоединявшимся к данной группировке странами ЦВЕ оставшихся барьеров в торговле и на пути движения капиталов. Во-вторых, членство в Евросоюзе предусматривало приведение национальных законодательств участвующих в группировке стран в полное соответствие с нормами европейского права (*acquis communautaire*), тем самым создавая привлекательную для инвесторов единую прозрачную правовую среду. И в-третьих, получение новыми странами-членами доступа к средствам структурных фондов ЕС (предназначавшихся для целей развития инфраструктуры, повышения конкурентоспособности предприятий, профессиональной подготовки рабочей силы, развития сельской местности, защиты окружающей среды) позволяло в случае их надлежащего использования усилить конкурентные преимущества данных госу-

дарств, важные в том числе и с точки зрения привлечения странами ПИИ [20, р. 86–87].

Итак, обобщив рассмотренный опыт европейской интеграции, можно отметить, что развитие экономического взаимодействия стран Европы в 1950–2000-х гг., связанное с углублением интеграционных процессов и присоединением к ним новых участников, создавало условия (воспользоваться которыми, как показывают примеры Ирландии и Греции, можно было по-разному) для повышения инвестиционной при-

влекательности интегрирующихся государств, в целом способствовало росту объемов поступающих в их экономику ПИИ, что и является подтверждением инвестиционной значимости процессов интеграции на европейском континенте. Этот вывод можно считать важным аргументом в пользу развития интеграционных процессов и в других регионах мира, подразумевающего углубление экономического взаимодействия государств, активное их участие в интеграционных соглашениях.

Литература

1. Baldwin, R. Growth Effects and Factor Market Integration / R. Baldwin, C. Wyplosz // The Economics of European Integration. — Berkshire, 2003. — P. 7-1–7-37 [Electronic resource] // Center of Economic Research at ETH Zurich. — Mode of access: <http://www.cer.ethz.ch/resec/teaching/seminar_aussenwirtschaft_wt_04_05/baldwin_wyplosz_chap_7.pdf>. — Date of access: 15.08.2011.
2. Barrell, R. Trade Restraints and Japanese Direct Investment Flows / R. Barrell, N. Pain // European Economic Review. — 1999. — Vol. 43, N 1. — P. 29–45.
3. Barry, F. EU Accession and Prospective FDI Flows to CEE Countries: a View from Ireland / F. Barry. — Dublin: University College Dublin, 2002. — 28 p.
4. Brenton, P. Economic Integration and FDI: An Empirical Analysis of Foreign Direct Investment in the EU and in Central and Eastern Europe / P. Brenton, F. Di Mauro, M. Lücke // Empirica. — 1999. — Vol. 26, N 2. — P. 95–121.
5. Coeurdacier, N. Cross-Border Mergers and Acquisitions: Institutional and Financial Forces / N. Coeurdacier, R. A. de Santis, A. Aviat: Working Paper Series N 1018. — Frankfurt am Main: European Central Bank, 2009. — 52 p.
6. Dunning, J. H. The European Internal Market Programme and Inbound Foreign Direct Investment / J. H. Dunning // Journal of Common Market Studies. — 1997. — Vol. 35, N 1, 2. — P. 1–30, 189–223.
7. Economic Evaluation of the Internal Market: European Economy. N 63. — Brussels: European Commission, 1997. — 215 p.
8. Egger, P. Foreign Direct Investment and European Integration in the 1990s / P. Egger, M. Pfaffermayr // The World Economy. — 2004. — Vol. 27, N 1. — P. 99–110.
9. From the Common Market to EC92: Regional Economic Integration in the European Community and Transnational Corporations / United Nations Department of Economic and Social Development. — New York: United Nations, 1993. — 134 p.
10. Galego, A. The CEECs as FDI Attractors: Are they a Menace to the EU Periphery? / A. Galego, C. Vieira, I. Vieira: Working Paper N 2003/04. — Évora: The University of Évora, 2003. — 17 p.
11. Iwasaki, I. EU Enlargement and Foreign Direct Investment into Transition Economies Revisited / I. Iwasaki, K. Suganuma // Transnational Corporations. — 2009. — Vol. 18, N 3. — P. 27–57.
12. Kaminski, B. How Accession to the European Union has Affected External Trade and Foreign Direct Investment in Central European Economies / B. Kaminski: World Bank Policy Research Working Paper N 2578. — Washington, DC: The World Bank, 2001. — 43 p.
13. López, A. Regional Integration and Foreign Direct investment: The Potential Impact of the FTAA and the EU–MERCOSUR Agreement on FDI Flows into MERCOSUR Countries / A. López, E. Orlicki. — La Plata, 2005. — 27 p. [Electronic resource] // Association Argentina de economía politica. — Mode of access: <http://www.aep.org.ar/espa/anales/works05/lopez_orlicki.pdf>. — Date of access: 14.08.2011.
14. Narula, R. EU Enlargement and Consequences for FDI Assisted Industrial Development / R. Narula, C. Bellak // Transnational Corporations. — 2009. — Vol. 18, N 2. — P. 69–89.
15. Petroulas, P. The Effect of the Euro on Foreign Direct Investment / P. Petroulas // European Economic Review. — 2007. — Vol. 51, N 6. — P. 1468–1491.
16. Sekkat, K. The Impact of the Single Market on Foreign Direct Investment in the European Union / K. Sekkat, O. Galgau. — Brussels, 2002. — 61 p. [Electronic resource] // EcoMod network. — Mode of access: <<http://www.ecomod.net/conferences/ecomod2002/papers/galgau.pdf>>. — Date of access: 15.07.2011.
17. Taylor, C. Foreign Direct Investment and the Euro: The First Five Years / C. Taylor // Cambridge Journal of Economics. — 2008. — Vol. 32, N 1. — P. 1–28.
18. The Role of International Investment Agreements in Attracting Foreign Direct Investment to Developing Countries / UNCTAD. — New York; Geneva: United Nations, 2009. — 145 p.
19. UNCTADstat [Electronic resource] // UNCTAD. — New York and Geneva, 2011. — Mode of access: <<http://unctadstat.unctad.org/ReportFolders/reportFolders.aspx>>. — Date of access: 05.01.2011.
20. World Investment Report 2005: Transnational Corporations and the Internationalization of R&D / UNCTAD. — New York; Geneva: UNCTAD, 2005. — 366 p.
21. Yannopoulos, G. N. Foreign Direct Investment and European Integration: the Evidence from the formative Years of the European Community / G. N. Yannopoulos // Journal of Common Market Studies. — 1990. — N 28. — P. 235–259.

«Воздействие европейской интеграции на привлечение прямых иностранных инвестиций» (Иван Турлай)

В статье анализируется влияние интеграции стран Европы 1950–2000-х гг. на привлечение ими прямых иностранных инвестиций с учетом результатов основных исследований, посвященных данному вопросу. Делается вывод об инвестиционной значимости интеграционных процессов в регионе, связанных с углублением в рамках Европейского экономического сообщества и Европейского союза экономического взаимодействия государств (т. е. с созданием зоны свободной торговли и таможенного союза, запуском программы внутреннего рынка, введением единой валюты), а также с присоединением к группировке стран новых участников.

«European Integration Influence on Attracting Direct Foreign Investments» (Ivan Turlay)

The article analyzes how the integration of European countries in 1950–2000 affected attracting direct foreign investments in these countries. The results of the main studies on the issue are taken into consideration.

The author comes to conclusion of the significance for the investment of the integrational processes in the region (i. e. the creation of the free trade zone and the customs union, the start of the internal market programme, the introduction of the single currency) as well as accession of new members to the union.

Статья поступила в редакцию в октябре 2011 г.